ГЕННАДИЙ ЛОГИНОВ

Сова в гнилом дереве

Геннадий Логинов

Сова в гнилом дереве

«Издательские решения»

Логинов Г.

Сова в гнилом дереве / Г. Логинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935949-0

Поздним вечером морозным возле мрачного погоста семь мужчин большого роста согревались у костра. У могильного погоста семь мужчин бросали кости, с диким ором семивёрстным горлопаня до утра. Коротая время просто, щебетали птицы в гнёздах, в час, когда мерцали звёзды и к Луне неслась искра.

ISBN 978-5-44-935949-0

© Логинов Г.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Глава I: Nil novi sub luna 8
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Сова в гнилом дереве

Геннадий Логинов

© Геннадий Логинов, 2020

ISBN 978-5-4493-5949-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любая картина таит в себе множество смыслов, рожденных воображением смотрящих на нее людей. Вследствие этого истинные мысли, чувства и переживания художника просто теряются, не находя выхода в наших сердцах. И в этом нет чьей-либо вины, просто все люди уникальны и мыслят по-разному.

Многие со мной не согласятся и скажут, что причина в художнике, который якобы плохо рисует и не может передать при помощи кисти и холста свои мысли. А я им противопоставлю тот факт, что у них самих совершенно нет никакого воображения. Но давайте не будем устраивать дебаты, ибо мы вряд ли сможем друг друга переубедить.

Я считаю, что для понимания истинного смысла картины любому человеку нужна подсказка, которая направит ход его мыслей в нужное русло. Именно поэтому я и стал использовать в своих работах анаморфозы, благодаря которым Вам больше не нужно ломать голову в попытках понять, что же все-таки автор хотел до меня донести своим художеством. Достаточно просто взглянуть на отражение и все сразу становится на свои места!

Иштван Орос

Пролог

Несчастен тот, кто повторяет открытия других, а сам не может придумать ничего нового.
Иероним Босх

Определённо, очертания капусты напоминали человеческую голову. Глаза, нос, уши, подбородок и рот. Безусловно, это было не самое приятное лицо. Даже, можно сказать, отвратительное. Но это было несущественно.

Подлинное уродство привлекало внимание и надолго оставалось в памяти, как и подлинная красота. Как, впрочем, и всё необычное.

Восхищаясь поистине жуткими полотнами или безобразными химерами на сводах собора, люди восторгались не самой чудовищностью, но мастерством художника или скульптора, сумевшего сотворить подобное.

Да, на всём поле не было второй подобной капусты. Да что там на поле, – во всей стране, а может быть, и в целом мире. Сомнительно, чтобы она была особенно вкусной. Одного взгляда на неё было достаточно, чтобы на долгое время лишиться аппетита. Но к ней одной было больше внимания, чем ко всем остальным вместе взятым кочанам.

Не проходило и дня, чтобы учёные мужи, художники, алхимики и просто любознательные личности, богатые и не очень, не захаживали на ферму Гогенштауфена. Как минимум, гости желали увидеть своими глазами необычное растение. Как максимум, – приобрести диковинку. Но некоторым хотелось набросать эскизы или заняться изучением на месте.

Надо сказать, что вся эта братия приносила немало вреда, давя капусту и прочее, чем славилась ферма. Но Гогенштауфен, сетуя на нравы и поведение визитёров, не спешил прогонять всех прочь, боясь продешевить в вопросах, связанных с продажей и использованием удивительного кочана.

Может быть, голова – это только начало, и в дальнейшем на капустной грядке появится целый человек? Или, говоря точнее, существо, напоминающее своими очертаниями безобразного человека. Может быть, сок капусты способен лечить болезни? Или повышать мужскую силу? А если так, даст ли она приплод? Как знать…

Пока что многие люди прибывали из дальних краёв, чтобы повидать чудесный кочан, и, прибыв на место, не желали покидать его в скором времени. Гости разбивали палатки, а где скопление народа – там тебе и базарная площадь со всевозможными торговцами, шарлатанами и гадалками, цыгане с ручными медведями, заразные куртизанки и жонглёры с разнообразными трюками. С утра и до вечера стояли крики, продавалась нехитрая снедь, а по ночам горели костры, звучали весёлые песни и пьяные беседы.

Время шло, народ всё прибывал, и вскоре у одного костра под старым деревом поздним вечером можно было наблюдать достаточно пёструю компанию.

Там можно было увидеть расфуфыренного ландскнехта в щёгольском наряде с буфами и разрезами. Учёного мужа в шапероне и мантии. Задумчивого монаха в тунике и пелерине с капюшоном. Горячего конкистадора в кирасе и бургиньоте. Предприимчивого купца в роскошном камзоле с высоким жабо. Язвительного шута с мароттой и жизнерадостного миннезингера с лютней.

Поскольку очередь к удивительному кочану выстроилась уже давно, а они явились достаточно поздно, странники были вынуждены дожидаться рассвета. Более того, их оттеснили не куда-нибудь, а к могильному погосту, находившемуся за деревней.

Стоял жуткий летний мороз, щебетали ненормальные дрозды, убаюкивающе мерцали звёзды, а странники как могли старались приободрить друг друга. И коль скоро проспать

желанный момент им явно не хотелось, они начали коротать время как умели. Поначалу некоторые стали бросать кости, но монах оказался против. Потом начали петь песни, но миннезингер явным образом всех обошёл, и соревноваться стало неинтересно. И тогда было решено провести ночь травя друг другу байки.

Поначалу ландскнехт начал рассказывать кровавую мрачную историю о Прыгающем Иакове, который был сыном чёрта, извергал пламя и дым из ноздрей, перескакивал пламя, наводил на людей страх, грабя и убивая. Злодея не брали ни пули, ни ядра, а сам он каждый день заходил в осаждённую крепость, оставляя после себя слёзы и горе, развлекаясь муками своих жертв, будто кот с мышами. Но эту историю не стали дослушивать: в ней не было пользы ни для ума, ни для сердца.

Тогда шут начал рассказывать о надменной графине, которая прогнала нищенку, сравнив её голодных детей со свиньями, после чего вернулась в родовой замок, где у неё внезапно начались родовые схватки и, в общей сложности, за целый год родилось три сотни и шестьдесят пять поросят. Но эту историю тоже не стали дослушивать: в ней были и аллегория, и мораль, но она была общеизвестной и многие народы рассказывали её на все лады, меняя незначительные детали.

Миннезингер стал наигрывать на лютне, напевая историю о незрячем философе, взявшемся писать поэму, которая должна была открыть людям глаза на многие вещи, открыть их сердца Богу и сделать мир лучше. Философ трудился день и ночь, не щадил ни сил, ни здоровья, лишился сна и покоя, когда окружающие издевались. Но дети, опасавшиеся, что слепой старик испачкает всё вокруг чернилами, втайне заменили их на воду, а философ самоотверженно положил жизнь на труд, веря что он не напрасен. И его труд не был напрасен: быть может, люди не смогли прочитать стихов, написанных водой на бумаге, но Всемилостивый Создатель знал и видел сердце и чаяния философа.

Конечно, это была добрая и выразительная история, а музыкант сопровождал её мелодичной игрой и красочным пением, но она оказалась настолько слезопробивной и душевыщипывающей, что, по мнению шута, у слушателей появилось моральное право бежать прочь в поисках спасения, прыгая по головам присутствующих.

Такие истории тоже были нужны и важны, но просто общий настрой ситуации не располагал к ним в данный момент. Как же быть?

Поскольку каждый начал бы говорить только о своём и другим было бы скучно, собрание решило, что каждая следующая притча будет вносить что-то новое, но должна хоть как-то затрагивать старую, чтобы каждая история развивалась. Так просто интереснее и веселее.

Допустим. Но с чего начать?

В этот самый момент учёный муж как раз достал из-под складок мантии ноктурлабиум, чтобы определить с его помощью время по звёздам, и, бросив взгляд на небо, предложил начать с истории про луну и в дальнейшем связать все другие истории с ней.

Почему бы и нет? Решено: про луну – так про луну.

Жребий рассказывать первую новеллу пал на монаха. Перебирая вишнёвые чётки, он задумчиво вглядывался в пламя костра, медленно и размеренно говоря мелодичным бархатным голосом.

Глава I: Nil novi sub luna

О, Боже на Небесах, сжалься над нами, о, Господи Иисус Христос, заступись за Твой народ, освободи нас вовремя, сохрани в нас истинную справедливую христианскую веру, собери своих далеко рассеянных овец Своим голосом, названным в Писании Божественным Глаголом… Созови снова воедино овец своей паствы, коих часть ещё можно найти в римской церкви, вместе с индийцами, московитами, русскими и греками, разделенными из-за насилия и алчности пап посредством сияния ложной святости.
Альбрехт Дюрер

Монах пустился в воспоминания о далёких и ярких событиях, которые сохранились если не в форме роскошных эльзивиров, то хотя бы устных преданий, которые он слышал ещё будучи облатом при Монастыре Святого Христофора.

История, о которой он поведал, произошла примерно в такой же непримечательный вечер, как этот, с той лишь разницей, что это вообще был не вечер, а тихое утро.

Впрочем, не такое уж и тихое, потому что страсти в это утро разыгрались нешуточные. Существовала крошечная страна Кокань, также известная как Шлараффенланд, а в ней обитали счастливые, но грустные жители: учёные невежды, мудрые глупцы, которые были богаты, но еле сводили концы с концами.

И вот однажды в местном монастыре затеяли спор о селенитах. Одни ссылались на труды францисканского монаха Роджера Бэкона, писавшего о планетных эпохах. Другие – на кардинала Николая Кузанского, полагавшего, что это Земля вращается вокруг Солнца, а на других планетах может быть жизнь. Третьи – на доминиканца Фому Аквинского, математически выводящего, что Земля имеет форму шара, приплюснутого у полюсов.

Естественно, в ходе всего этого упоминались то блемии, то паноптии, то кинокефалы или ещё какие создания, упоминаемые учёным историком Плинием Старшем или Святым Исидором Севильским. Кто-то полагал, что всё это не имеет отношения к людям, потому как, например, те же блемии не имеют головы, ведь их лицо расположено на торсе, а раз у них нет головы, то нет и мозга. Другие в ответ на это замечали, что даже если у них и на самом деле нет головы, это ещё не означает отсутствия мозга, а даже если он и отсутствует – у них может быть иной орган, но с теми же функциями.

Августин Блаженный в своём монументальном труде «О Граде Божьем» высказался по этому поводу вполне определённо: либо подобных существ и вовсе нет, либо, если что-то такое есть, то это, может быть, и не люди; а если всё-таки люди, то, стало быть, и они происходят от Адама. Следовательно, можно найти причину их облика, отличного от нашего: акциденции, искажённость природы как следствие испорченности мира в результате грехопадения человека.

Рождаются же иногда двуглавые младенцы и люди с жуткими уродствами, но от этого они не перестают оставаться людьми, душа которых прекраснее, чем у иных. Мореплаватели это подтвердят, ведь когда-то никто не верил, что существуют те же мавры или носороги.

Это, как раз-таки, вопрос не столь принципиальный, как то, что если у них есть люди, то, стало быть, у них есть душа. А раз у них есть душа, то её можно и нужно спасти. Следовательно, к ним необходимо отправить миссионера. Но вот ведь в чём загвоздка: желающих масса, хоть сейчас отправляйте, однако же как им попасть на Луну?

В итоге, начавшись как мирный диспут, разговор постепенно перешёл на высокие тона, и отец Малахия был вынужден вмешаться, напомнив собравшимся два принципиальных

момента. Во-первых, что они всё-таки не в кабаке, а в стенах Кафедрального Собора Кокани. А во-вторых, что они не базарные девки, а монахи Ордена Святого Венедикта Нурсийского.

Этого было достаточно, чтобы всех урезонить. Но даже после того, как полемика прекратилась и голоса попритихли, молодого монаха, Беренгария Грамматика, по-прежнему не оставляла тревога за судьбы и жизни тех несчастных, которые обитают на Луне, лишённые пастырского окормления.

Продолжая возвращаться к этому мыслями снова и снова, он обратился к Господу с истовой молитвой, встав на колени, закрыв глаза и перебирая чётки.

– In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen, – произнесли монах, при этом осенив себя крестным знамением.

Отворив после этого глаза, Беренгарий не обнаружил знакомой кельи. Вместо этого его встречали базальтовые моря, реголитовый слой под ногами и лунные кратеры больших и малых размеров.

Простой босоногий монах с аккуратно выбритой тонзурой, в хабите со скапулярием, охваченным сыромятной верёвкой вместо пояса, имеющий при себе лишь бревиарий и чётки с нательным крестом, он воспринимал происходящее естественно, без страха и волнения.

Грамматик понимал, что это Божий ответ на сердечную молитву. Как понимал то, что вроде бы как не должен дышать или должен хотеть отведать пищу к этому часу, или ощущать холод – но ничего подобного не было.

Стало быть – это чудо. А чудо, как говорил Святой Августин Блаженный, противоречит не законам природы, но только лишь человеческим представлениям о законах природы.

Беренгарий Грамматик осознавал всю важность и значимость возложенной на него миссии. Быть может, судьба всех селенитов теперь зависела от действий и решений монаха. И второго шанса ни им, ни ему могло не представиться.

Осмотревшись, монах вскоре понял, что не имеет каких-либо особых причин отдавать предпочтение тому или этому направлению. Его окружал однообразный пейзаж. И оставалось только одно – куда-нибудь направиться и следовать до тех пор, пока Беренгарий не обнаружит свою новообретённую паству.

Долгое время он ступал, отталкиваясь от поверхности и совершая небольшие прыжки. Поначалу это было несколько непривычно, но монах освоился достаточно быстро. Густая пыль поднимается от каждого его шага, и казалось, что следы Беренгария – единственные на многие мили, если не на всю планету вообще. Но Грамматик не отчаивался и следовал, движимый желанием довести начатое до конца. Если бы в этом не было смысла – он бы здесь не оказался…

…Спустя некоторое время его лицо озарила лучезарная улыбка. Но вскоре она сменилась гримасой недоумения, а затем – и разочарования.

На плато перед Беренгарием раскинулся Селенополис – лунный город, построенный местными обитателями-селенитами. Его нельзя было назвать монументальным, поражающим красотами или будоражащим воображение. Но всё-таки это было поселение, построенное кем-то умелым и разумным, обладающее своей самобытной эстетикой. К сожалению, город вымер. Он напоминал скорлупу, в которой больше не теплится жизнь, – отброшенную и бесполезную.

Да, некогда в нём обитали жители, которые возводили его, населяли дома и улицы, бродили по окрестностям. Но теперь всё предстало перед монахом в жалком виде. Кругом царили разруха и упадок. Вряд ли там кто-нибудь остался. Хотя, быть может, среди потресканных камней и осыпающихся в песок строений ещё можно было обнаружить что-нибудь, что дало бы подсказку или зацепку.

Беренгарий мог что-то узнать о языке, культуре, внешнем виде и традициях селенитов. Понять, что послужило причиной тому, что он видит перед собой. Быть может, такой город-призрак остался здесь один, а в остальных всё цветёт и благоухает? Не похоже, но мало ли…

…Спустя некоторое время монах спустился на плато. Конечно, замедленные прыжки создавали иллюзию безопасности, но при этом Грамматик ощущал, что здесь возможно медленно-медленно упасть, а затем так же тихо разбиться. Поэтому он постарался спускаться с крутого склона осторожно и сорвался лишь на сравнительно небольшой высоте.

Размахивая руками при падении, он тщетно хватался за пустоту, но вскоре сгруппировался и рухнул, подняв столб пыли. Отряхнувшись от налипшей на него серо-коричневой массы, Беренгарий направился прыжками в сторону города.

Там были земляные постройки. Имелись выдолбленные в скалах ходы и жилища троглодитов. Наблюдались какие-то своеобразные скульптуры в стороне. Встречалось что-то вроде сада или огорода с непривычной на вид растительностью. Безжизненный фонтан. Как, впрочем, и всё здесь.

Потресканный полупрозрачный купол, покрытый пылью и грязью, весь в дырах, имеющий несколько входов и выходов, покрывал собой город. Он напоминал витраж, но в ужасном состоянии.

Над проходом миссионер заметил какие-то запылившиеся надписи, показавшиеся ему плохо различимыми. Но вместе с тем сам факт их наличия наводил на определённые мысли.

До сих пор от внимания Беренгария ускользнул тот немаловажный факт, что между ним и его паствой может возникнуть языковой барьер. Конечно, собственный язык селенитов может ощутимо отличаться от известных монаху образцов. Допустим, они могли бы общаться свистом, или сменой окраса, или особыми жестами. Не суть важно. Поскольку проблема есть, придётся разработать общий язык.

Поразмыслив некоторое время, монах пришёл к выводу, что для любой планеты, страны и культуры универсальным языком может являться математика. Соответственно, возможно создание языка на математической базе. Ведь даже если у землян с селенитами нет ничего общего, за исключением наличия разума, и для тех и для других у куба будет шесть сторон, а два и два будет в сумме давать четыре.

Подобный язык должен быть строг и однозначен, свободен от фонетического звучания, двусмысленности, синонимов, исключений из правил и тому подобного. Соответственно, нужно было подготовить базис, на основании которого Беренгарий мог бы обучить любого встреченного им селенита.

Так-так-так… Базовые понятия математики и логики. Сперва – натуральные числа. Можно просто обозначить их некой наглядной последовательностью. Точки или палочки. Потом – знаки этих чисел, и понятие «равняется». Пять палочек равняется числу пять, шесть палочек равняется числу шесть, и таким образом селенит понимает простую закономерность.

Вот такое-то количество простых предметов записывается таким символом, такое-то – таким, а этот знак обозначает равнозначность того и этого.

Хорошо, с этим, кажется, разобрались. Что дальше? А дальше будут простые арифметические операции. Это больше того, это меньше того, тут убывает, тут возрастает, это верно, это не верно.

При этом нужно разграничить такие понятия, как «хорошо» и «плохо» с «истинно» и «ложно», во избежание недоразумений.

Математика универсальна. Это – абстракция в чистом виде, не относящаяся к чувственно постигаемой области. От неё можно отталкиваться, в дальнейшем обогащая метаязык более сложными абстрактными понятиями…

…Бродя по улицам под потресканным дырявым куполом, Беренгарий заглядывал в однообразные лунянки (как он вскоре нарёк их по аналогии с землянками), но не видел в них ничего особенного. Это были очень простые дома, подобные которым встречаются и на Земле. В них не находилось ни мебели, ни предметов быта, ни каких-либо тел. Тем не менее, даже это уже говорило.

Во всяком случае, если бы здесь прокатилась война, случилась какая-нибудь катастрофа или стихийное бедствие, повлекшее за собой массовую гибель населения, – это объясняло бы разруху и запустение, но не объясняло бы отсутствие в домах тел владельцев и вещей. В любом состоянии. Стало быть, что-то просто вынудило обитателей уйти и забрать всё с собой. Во всяком случае, так казалось…

…Необычные скульптуры тоже привлекали внимание. Определённо это были скорее произведения искусства, нежели что-то, созданное с практической целью. С другой стороны, если быть до конца последовательным, не всегда, но иногда у произведений искусства тоже бывают практические цели. Например, они могут обучать, наставлять, служить памятью о чём-либо. Впрочем, об этом можно рассуждать очень долго: естественно, творчество человека не существует в отрыве от его личности и может отражать его веру, политические и иные убеждения; произведения искусства можно продавать и зарабатывать этим на жизнь; но первоначально всё это базируется на тяге к искусству, которая, как и процесс создания произведений искусства, находится за гранью повседневной рационально-прикладной логики. Сложность организации стихотворной речи видится излишней для повседневных языковых нужд, но истина, выразительно поданная посредством мелодичных словосочетаний и метких образов, действует на человека мощнее, чем просто и безыскусно сказанная в лоб. Здесь действует своя, особая, творческая логика.

В данном случае уже сама по себе композиция сообщила монаху о многом. Во-первых, одна из скульптур даёт представление о внешности селенитов. Судя по всему, это один из них. Если, конечно, это не какое-то мифологическое или вымышленное существо.

Конечно, о соотношении пропорций судить по статуе сложно. Но у Беренгария сложилось мнение, что это создание, заметно превосходящее человека в росте, при этом заметно уступает ему в телосложении. Худощавое, хрупкое, вытянутое.

Если это была статуя в натуральную величину, то Грамматик, мужчина с ростом заметно выше среднего, даже не доставал этому селениту до груди. Зато в плечах он оказался шире его раза в два.

Селенит держал в руках некое приспособление. Не то копьё, не то посох с острым наконечником и крюком на разных концах. Судя по всему, для Луны, где им приходится перемещаться преимущественно прыжками, отталкиваясь от почвы, и цепляться за уступы, подобное приспособление могло быть удобным инструментом и оружием.

Селенит воинственно заносил свой боевой багор. Этому бойцу противостояло существо, отдалённо напоминающее блоху. При этом по размерам оно смотрелось примерно с крупную собаку, и у него имелись мандибулы. Выглядело достаточно жутко и мерзко. На взгляд Беренгария, разумеется. И, надо думать, оно могло прыгать, высоко и далеко, наскакивая сверху или нанося удар в прыжке своим бронированным панцирем…

…Городской сад. Если так, конечно, можно его назвать.

По сути, весь сад представляет собой одну большую грибницу. Грибы покрылись налётом пыли и грязи. Как, впрочем, и всё вокруг. Монах ткнул пальцем в один из них, счищая наслоение, и заметил, что в месте прикосновения гриб начинает светиться. Это уже интересно.

Если присмотреться внимательно, то вскоре становилось ясно, что здесь находились не только грибы различных форм и размеров, но и вообще некий симбиоз различных сосуществующих видов. Просто грибы тут явно доминируют и сразу бросаются в глаза. Но они обросли неким подобием не то плюща, не то лианы, не то виноградной лозы. А на ней наблюдалось что-то вроде цветков с лепестками, которые начинали недовольно шевелиться, реагируя на прикосновения. Всё это запылилось, потому и смотрелось со стороны словно однородная масса, хотя это, конечно, не так.

Надо думать, пока купол был цел, – сад был достаточно красив, и всё это выглядело иначе…

…Фонтан. В принципе, Беренгарий не заметил ничего особенного. Судя по виду и форме, это и вправду обычный фонтан.

У него не имелось никаких украшений. Но, так или иначе, сам факт его наличия уже говорил о многом. Во-первых, как минимум, здесь раньше была вода, и она как-то использовалась. Её пили, или поливали растения, использовали в быту. Значит, у людей с Земли есть что-то общее с селенитами. Но это всё-таки фонтан, а не колодец. Он выполняет определённые декоративные и эстетические функции, помимо прикладной. Вырыть колодец было бы просто и практично для повседневных дел. А раз тут есть фонтан, значит, к нему должно что-то вести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.